
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В ЮЖНОЙ АЗИИ*

Лебедев С. В., Новик Н. Н.**

В данной работе используется концепция парадокса стабильности-нестабильности в качестве прогностической модели для анализа динамики геополитического противостояния в Южной Азии. Указанная концепция прогнозирует, что конфликт двух ядерных держав будет сопровождаться стабильностью на стратегическом уровне в силу действия механизма взаимного гарантированного уничтожения и одновременно колоссальной нестабильностью на субстратегическом уровне, что будет выражаться в активном проведении гибридных войн. В данной статье рассматривается динамика геополитического противостояния Индии и Пакистана в Южной Азии и подчеркивается качественное изменение методов противоборства после получения обеими странами ядерного оружия, а именно отказ от полномасштабных военных столкновений и явное предпочтение методов гибридной и прокси-войны. На основании этих наблюдений делается прогноз о возможном развитии событий в регионе и возможных рисках для проекта МТК «Север – Юг».

Ключевые слова: парадокс стабильности-нестабильности, гибридные войны, геополитические риски, ядерное сдерживание, геополитика, МТК «Север – Юг», Южная Азия, ядерное оружие, прокси-войны.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФ 25-68-00031 «Устойчивые морские перевозки в рамках международного транспортного коридора “Север – Юг” в контексте региональной безопасности».

Для цитирования: Лебедев С. В., Новик Н. Н. Прогнозирование основных геополитических рисков в Южной Азии // Век глобализации. 2026. № 1. С. 86–95. DOI: 10.30884/vglob/2026.01.08.

For citation: Lebedev S. V., Novik N. N. Forecasting the Main Geopolitical Risks in South Asia // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2026. No. 1. Pp. 86–95. DOI: 10.30884/vglob/2026.01.08 (in Russian).

** Лебедев Сергей Владимирович – к. полит. н., н. с. Института мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ. E-mail: svlebedev@hse.ru.

Sergey V. Lebedev – Ph.D. in Political Studies, Candidate of Political Sciences, Research Fellow at the Institute of World Military Economy and Strategy at the National Research University Higher School of Economics. E-mail: svlebedev@hse.ru.

Новик Николай Николаевич – к. э. н., доцент факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, доцент кафедры международного бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: nnovik@hse.ru.

Nikolay N. Novik – Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Faculty of World Economy and International Affairs at the National Research University Higher School of Economics, Associate Professor of the Department of International Business at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: nnovik@hse.ru.

Век глобализации 1/2026 86–95

DOI: 10.30884/vglob/2026.01.08

FORECASTING THE MAIN GEOPOLITICAL RISKS IN SOUTH ASIA

The article employs the concept of the Stability-Instability Paradox as a predictive model that allows to forecast the dynamics of geopolitical rivalry in South Asia. The above-mentioned concept predicts that the conflict of the two nuclear-armed states will be characterized by stability at the strategic level due to the mutually assured destruction mechanism, while simultaneously tremendous instability at the substrategic level that will actively manifest via hybrid warfare. This article examines the dynamics of the geopolitical rivalry between India and Pakistan in the region of South Asia and highlights the qualitative shift in tools of confrontation that both parties started to employ after acquisition of nuclear weapons, namely, the reluctance to engage in full-scale military clashes and a clear preference for hybrid and proxy warfare. Capitalizing on these observations, the article forecasts the possible developments in the region and analyzes the potential risks for the International North-South Transport Corridor project.

Keywords: *Stability-Instability Paradox, hybrid warfare, geopolitical risks, nuclear deterrence, geopolitics, International North-South Transport Corridor, nuclear weapons, proxy warfare.*

Введение

В условиях обострения противоборства между Россией и западными странами возрастает значение безопасности логистической инфраструктуры, обеспечивающей связь российской экономики с экономиками стран Глобального Юга, включая Индию и Пакистан. События апреля – мая 2025 г. продемонстрировали, что индо-пакистанские противоречия продолжают выступать в качестве одного из факторов возможной политической дестабилизации в Южной Азии. Последующие обострения индо-пакистанского конфликта могут создавать геополитические риски для проекта международного транспортного коридора «Север – Юг», призванного повысить логистическую связанность экономик России и стран Глобального Юга.

Теоретическая модель

Концептуальной рамкой данного исследования выступает сформулированный в рамках теории международных отношений парадокс стабильности-нестабильности, который постулирует, что взаимоотношения двух конфликтующих ядерных держав характеризуются стабильностью на стратегическом уровне и крайней нестабильностью на субстратегическом уровне. Иными словами, избегая «лобового» военного столкновения (которое может привести к обмену ядерными ударами), данные державы, однако, активно конфликтуют через прокси-акторов и ведут друг против друга низкоинтенсивную гибридную войну, которая выражается в многочисленных психологических и информационных операциях, кибератаках, попытках повлиять на внутреннюю политику и т. п. При этом, как справедливо отмечает А. Л. Гринин, гибридная война – «это перманентное состояние в геополитическом противостоянии» [Гринин 2024: 85].

Впервые описанный в годы холодной войны Г. Снайдером [Snyder 1965] парадокс стабильности-нестабильности выступал в качестве ценной концептуаль-

ной рамки для описания взаимоотношений СССР и США, которые активно избегали прямых столкновений, однако при этом вели прокси-конфликты почти во всех регионах. Концепция парадокса стабильности-нестабильности во многом также отражала осознание научным и экспертным сообществом того факта, что гипотетический ядерный конфликт станет концом цивилизации. Как отмечает А. Н. Чумаков, помимо ответственных политиков, «еще в большей степени всю опасность ядерного самоуничтожения осознали системно мыслящие умы науки и философии» [Чумаков 2022: 6].

Вероятно, благодаря своей интуитивной понятности парадокс стабильности-нестабильности редко становился объектом именно теоретического анализа. Работ, в которых исследователи пытались бы выявить механизмы и каузальные связи, ведущие к возникновению этого парадокса, сравнительно немного. Однако можно уверенно говорить о двух доминирующих подходах к объяснению существующих взаимосвязей, которые исследователь К. Уоттерсон условно назвал «моделью красных линий» (red line model) и «моделью балансирования на грани войны» (brinkmanship model) [Watterson 2017: 87]. В случае первого подхода политические исследователи исходят из того, что обе стороны находят неприемлемым риск ядерной войны и делают все для того, чтобы не пересечь «красную линию» контрагента. Однако осознание того, что обе стороны хотят избежать «лобового столкновения», открывает пространство для субстратегических конфликтов, которые каждая из сторон инициирует, не опасаясь спровоцировать ядерную войну. Иными словами, феномен взаимного гарантированного уничтожения (mutually assured destruction) в определенном смысле дает обеим сторонам карт-бланш на ведение прокси-войн и конфликтов низкой интенсивности. И так как ядерный потенциал двух держав «обнуляет» друг друга, победа в подобных конфликтах определяется соотношением субстратегического военного потенциала двух держав.

В случае второго подхода работают иные причинно-следственные механизмы и ключевой причиной субстратегической нестабильности оказывается готовность той или иной стороны принять незначительный риск ядерного конфликта для максимизации своего политического выигрыша.

Иными словами, субстратегическая нестабильность вызывается готовностью политических лидеров к незначительному риску из расчета, что, к примеру, небольшие территориальные изменения не повлекут за собой ядерный конфликт. В этой ситуации ключевым оказывается не соотношение субстратегических сил, а то, что К. Уоттерсон назвал «балансом решимостей» (balance of resolve) [Watterson 2017: 89], то есть психологической готовности тех или иных политиков принять тот или иной уровень риска.

Представляется, что, конечно же, данная концепция существует скорее в рамках неких континуумов, нежели жестко разделенных полюсов (стратегический и субстратегический полюсы), о чем говорят многие исследователи. К примеру, изначально несущественный конфликт теоретически может приобрести стратегическое или даже экзистенциальное значение для политической элиты того или иного государства.

Более того, представляется, что в науке о международных отношениях до конца нет единства относительно того, какие действия государства А могут спровоцировать ядерный ответ государства Б, а какие однозначно находятся ниже «красной линии». Периодически непосредственно ядерные государства пытаются прояснить этот вопрос на уровне документов стратегического планирования (неофициально называемых ядерными доктринами), однако это правило не является универсальным. Относительно недавно российский исследователь И. А. Истомин продемонстрировал, что иностранное вмешательство (то есть так называемые скрытые операции, направленные на свержение существующего режима) также несет в себе высокие эскалационные риски, хотя де-юре и де-факто не подпадает под определение прямого военного конфликта [Истомин 2023]. Логика исследователя такова, что любой политический режим приоритизирует собственное выживание (сохранение собственной власти в пределах определенной территории) и иностранные действия, направленные на его свержение, хоть и не обязательно представляют угрозу для государства в целом, несут диспропорционально высокие риски для правящей элиты и могут спровоцировать ядерный ответ. С точки зрения политико-экономической логики можно добавить, что в случае, к примеру, экономических санкций или других не прямых методов воздействия правящий режим может перенести издержки на население (к примеру, увеличив налоги), в то время как в случае с «иностранном вмешательством» издержки несет непосредственно политическая элита. Истомин демонстрирует, что во время холодной войны спецслужбы США начали постепенно сворачивать откровенные попытки повлиять на советский строй почти сразу после испытания СССР ядерного оружия. При этом спецслужбы США активно проводили скрытые операции против безъядерных коммунистических стран на протяжении всей холодной войны.

Это позволяет предположить, что само по себе ядерное оружие является сдерживающим фактором для скрытых операций. Представляется, что эту логику можно в целом использовать для более нюансированного прогнозирования реакции режима на то или иное внешнеполитическое действие. Если это действие затрагивает ключевые интересы элиты и бремя последствий этого действия не может быть переложено на подвластных, то вероятность ядерного ответа значительно повышается. К примеру, кибератаки являются рутинной частью современного геополитического противоборства и в целом воспринимаются как фоновые действия. Однако попытка кибератаки на ключевую ядерную инфраструктуру может быть расценена совершенно иначе – неслучайно начиная с 2020-х гг. идут дискуссии о ядерном сдерживании кибератак. В свою очередь, реакция на тайное финансирование оппозиционных сил во многом зависит от типа правящего режима и его возможностей. В крайне редких случаях это может быть расценено как операция, направленная на свержение существующего строя, но с большей вероятностью придание огласке подобных фактов станет удобным козырем во внутренней пропаганде.

Сказанное выше позволяет составить матрицу геополитических рисков, которые актуализируются по линии противостояния двух ядерных государств. Парадокс стабильности-нестабильности нивелирует вероятность полномасштабного

военного конфликта, снижает вероятность ограниченного конфликта, сводит на нет вероятность скрытых операций, направленных на свержение строя, но при этом значительно повышает вероятность всех форм гибридной войны.

Таблица 1

Матрица геополитических рисков

Матрица геополитических рисков в случае действия парадокса стабильности-нестабильности	
Вид конфликтного взаимодействия	Вероятность
Полномасштабная война	Крайне низкая
Ограниченная война	Средняя или низкая
Скрытые операции, направленные на свержение строя	Крайне низкая
Психологическая война	Очень высокая
Кибервойна (за исключением атак на ключевую военную и ядерную инфраструктуру)	Очень высокая
Поддержка прокси-сил (повстанцы, боевые организации, сепаратистские движения)	Очень высокая
Финансирование легальной оппозиции в стране-противнике	Средне-высокая
Экономическое давление	Очень высокая

Данная матрица может использоваться для прогнозирования геополитических рисков, в том числе и для масштабных инфраструктурных проектов третьей стороны.

Индо-пакистанский конфликт в контексте концепции парадокса стабильности-нестабильности

Индо-пакистанский конфликт считается одним из классических примеров действия парадокса стабильности-нестабильности, так как политическими исследователями фиксируется качественное изменение природы геополитического противостояния в Южной Азии после обретения двумя государствами ядерного оружия. Параллельно с этим отмечается, что начиная с 1980-х гг. в регионе растет количество прокси-войн и прокси-группировок.

Индо-пакистанский конфликт является очевидным наследием англосаксонского колониализма, так как изначально мусульманские регионы еще в XIX в. оказались подчинены индийской элите, которая рассматривалась британскими властями как более надежная и контролируемая. Поэтому, когда в 1947 г. Индия и Пакистан обрели независимость, семена будущего противостояния уже проросли. Последний махараджа (правитель) Кашмира Хари Сингх после некоторых колебаний в итоге предпочел интеграцию с Индией, чему власти Великобритании не стали препятствовать. Таким образом, регион с мусульманским большинством был включен в состав Индии без оглядки на желания местного населения. Как

отмечает И. И. Ивлиев, «штат Джамму и Кашмир станет одной из наиболее напряженных точек в Индии» [Ивлиев 2024: 121]. При этом нет сомнений, что индо-пакистанский конфликт достаточно хорошо укладывается в универсалистское определение этнотерриториальных споров [Курбачева 2018: 119].

Эти противоречия стали основанием для трех интенсивных и кровавых военных конфликтов – первой, второй и третьей индо-пакистанских войн, происходивших в промежутке с 1947 по 1971 г. К примеру, потери в третьей индо-пакистанской войне составили более 9 тыс. убитых, причем почти 8 тыс. пришлось на Пакистан. В целом ситуация коренным образом стала меняться в 1970–1980-х гг., когда в индо-пакистанском уравнении появилась ядерная переменная. В 1974 г. Индия в ходе операции «Улыбающийся Будда» испытала первый ядерный заряд. Само испытание было объявлено индийским правительством так называемым «мирным ядерным взрывом». И, хотя есть разногласия относительно того, были ли уже на тот момент в индийской армии необходимые средства доставки, 1974 г. считается отправной точкой для ядерного статуса этой страны. При этом официально Индия провозгласила себя ядерной державой только в 1998 г.

В 1970-х гг. также был дан старт и ядерной программе Пакистана. Мощным стимулом для этого решения стали поражение страны в третьей индо-пакистанской войне и независимость Восточного Пакистана, ныне известного как государство Бангладеш. В 1998 г. Пакистан провел серию ядерных взрывов на полигоне Чагай.

Появление в регионе ядерного оружия радикальным образом изменило канву геополитического противостояния, значительно снизив вероятность полномасштабных конфликтов и открыв окно для различных форм гибридного противостояния. Действительно, в «доядерную» для этого региона эру между Индией и Пакистаном произошло три полномасштабных войны (первая, вторая и третья индо-пакистанские войны), в то время как после получения обеими странами ядерного оружия такие столкновения стали редкостью. Каргильская война 1999 г., а также конфликты 2019 и 2025 гг. рассматриваются большинством политических исследователей и историков как носившие ограниченный характер [Farasoo, Akbari 2025]. При этом исследователи констатируют нарастание интенсивности конфликтов с использованием прокси-сил, а также активное вовлечение обеих сторон в психологические операции, информационные войны и активное использование прочих инструментов непрямого конфликта.

Как отмечает пакистанский военный и политический деятель генерал Первез Мушарафф, после получения обеими странами ядерного оружия «шансы войны равны нулю», но в то же время вероятность прокси-конфликтов возрастает [Dutt 2000: 243]. Конфликт 1999 г., известный как Каргильская война, по факту был ограниченной войной, не преследовавшей стратегических целей и скорее направленной на привлечение внимания международного сообщества к ситуации в регионе. Группа международных наблюдателей обнаружила, что пакистанские отряды имели запасы продовольствия только на несколько дней, и это подтверждает идею о том, что пакистанское командование рассчитывало на быстрое вмешательство международного сообщества и было не готово к серьезному ответу со стороны Индии [Kargil Review Committee 2000].

На данный момент обе стороны при этом активно вовлечены в различные формы гибридной войны [Мельникова 2024], включая психологические операции и поддержку прокси-сил.

В частности, со стороны Пакистана идет активная поддержка исламских боевых группировок – «Харкат-уль-Джихад-аль-Исламия» (Исламское движение сопротивления), «Джаиш-е-Мухаммад» (Армия Мухаммеда)¹, «Сипах-е Сахаба Пакистан», «Лашкар-е-Таиба»² и др. [Farasoo, Akbari 2025]. При этом пропакистанские повстанцы, действующие на спорной территории, не получают оружия, которое позволило бы нанести серьезный ущерб региональной логистической инфраструктуре (шоссе Патханкот – Шринагар, Джавахарский туннель), что в очередной раз подтверждает прогностическую ценность парадокса стабильности-нестабильности.

Индия, в свою очередь, по заявлениям Пакистана, оказывает поддержку сепаратистскому движению в Белуджистане.

Таблица 2

**Эволюция методов геополитического противоборства
в Южной Азии (1947–2025)**

	«Доядерная» фаза конфликта в Южной Азии (1947–1986)	Конфликт в Южной Азии после получения Индией и Пакистаном ядерного оружия (1986–2025)
Полномасштабные войны	Первая индо-пакистанская война (1947–1949) Вторая индо-пакистанская война (1965) Третья индо-пакистанская война (1971)	Отсутствуют
Ограниченные войны	Сиаченский конфликт (1984–1987)	Каргильская война (1999), столкновения 2019 и 2025 гг.
Гибридные войны	Играют второстепенную роль	Становятся основным инструментом геополитического противоборства Индии и Пакистана

Источники: [Khan 2005], открытые данные.

Обе стороны проводят активные информационные и психологические операции друг против друга, причем, как констатируют исследователи, эти операции

¹ Признана экстремистской организацией Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

² Признана террористической организацией Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена.

в неменьшей степени направлены на внутреннюю аудиторию, чем на внешнюю. Как подчеркивает С. В. Мельникова, «обеспечение широкой поддержки в достаточной степени агрессивного авторитарного популизма требует создания или утрирования внешней угрозы» [Мельникова 2024: 260].

Прогноз геополитических рисков для МТК «Север – Юг» в регионе Южная Азия

Индо-пакистанский конфликт является ключевым источником геополитической нестабильности в Южно-Азиатском регионе. Анализ хода конфликта демонстрирует, что после обретения обеими странами ядерного оружия противостояние в регионе качественно изменилось – полномасштабные войны стали исключением, в то время как обе стороны начали активно прибегать к технологии прокси-конфликтов и гибридных войн. Это позволяет подтвердить научную ценность концепции парадокса стабильности-нестабильности как прогностической рамки, а также сделать ряд предположений о ключевых геополитических рисках для проекта МТК «Север – Юг».

Во-первых, следует подчеркнуть, что **ключевой геополитический риск – крупномасштабная война** в регионе – представляется крайне невероятным в силу действия эффекта ядерного сдерживания. Аналогичным образом представляется, что вероятность ограниченной войны также невысока, а в случае начала подобного конфликта обе стороны, а также мировое сообщество, будут стремиться как можно скорее перевести его обратно в «холодную» фазу. Опыт конфликтов 1999, 2019 и 2025 гг. это хорошо демонстрирует.

Во-вторых, как и предсказывает парадокс стабильности-нестабильности, ключевой формой противоборства в регионе становятся различные формы гибридных конфликтов, при этом большинство из них в принципе не несет угрозы для инфраструктуры международных транспортных коридоров (МТК). К примеру, достаточно сложно представить, чтобы информационная кампания против Пакистана в индийских СМИ или аналогичная кампания в пакистанском медиапространстве могли нанести какой-либо ощутимый ущерб МТК.

В-третьих, думается, что ключевую опасность в данной ситуации могут представлять «отбившиеся от рук» прокси-акторы, которые могут решить организовать атаку на инфраструктуру МТК с целью привлечения международного внимания к ситуации. Однако такое развитие ситуации представляется на данном этапе не самым вероятным. При этом в перспективе вероятность подобной атаки может возрасти под действием комплекса социально-экономических и социально-психологических факторов (рост фрустрации в обществе, к примеру).

В целом парадокс стабильности-нестабильности позволяет утверждать, что геополитические риски для МТК «Север – Юг» в Южной Азии невысоки.

В завершение также следует сказать и об ограничениях данного подхода. Разумеется, парадокс стабильности-нестабильности не может выступать в качестве единственного инструмента прогнозирования геополитических рисков, так как данная модель не учитывает большой набор других переменных, необходимых для анализа ситуации. К примеру, инструментарий парадокса не позволяет учесть взаимоотношения двух конфликтующих ядерных держав с третьей стороной или сторонами, которая/которые выступают инициаторами и реализаторами инфра-

структурного проекта в регионе (что очевидно важно в случае МТК). Также парадокс совершенно сбрасывает со счетов внутривосточные переменные, такие как популярность действующей элиты и вероятность того, что она попытается инициировать конфликт для сплочения общества и поддержания своей легитимности (политическая стратегия, известная как «ставка на возрождение»).

Заключение

Данное исследование продемонстрировало прогностический потенциал парадокса стабильности-нестабильности как теоретической модели, описывающей конфликтные взаимоотношения двух ядерных держав. Модель предсказывает, что обе стороны будут стремиться избежать полноценных военных столкновений, как и ограниченных военных конфликтов или попыток свергнуть политические режимы друг друга. При этом осознание того, что ни одна из сторон не хочет ядерной эскалации, «развязывает руки» на субстратегическом уровне и позволяет ожидать, что отношения двух оппонированных друг другу ядерных держав будут характеризоваться высоким уровнем гибридных конфликтов, включая психологические операции, кибератаки и поддержку прокси-акторов.

Геополитическая динамика в Южной Азии, характеризующаяся противостоянием двух ядерных держав – Индии и Пакистана, целиком и полностью укладывается в объяснительную рамку парадокса стабильности-нестабильности.

Это наблюдение позволяет сделать практические выводы для проекта МТК «Север – Юг»:

Во-первых, **риск полномасштабной войны** между Индией и Пакистаном представляется исчезающе малым в силу действия механизма взаимного гарантированного уничтожения. Это означает, что на стратегическом уровне проекту ничто не угрожает.

Во-вторых, **риски прокси-войн и гибридных конфликтов** в регионе, включая террористические атаки, остаются крайне высокими. По мере обострения внутривосточной борьбы в Индии и Пакистане или в случае ухудшения экономической ситуации в одной из этих стран данные риски станут еще выше, так как обе стороны активно используют образ внешнего врага для легитимации собственного правления. Однако крайне высокие риски прокси- и гибридных войн не означают автоматические риски для проекта МТК и в большей степени создают риск ущерба «по касательной».

В-третьих, следует подчеркнуть, что **ключевым риском** для МТК «Север – Юг» в свете противостояния Индии и Пакистана представляются именно прокси-конфликты и гибридные войны в регионе. Однако речь идет не столько о прямом экономическом ущербе инфраструктуре МТК, сколько о перспективах ухудшения инвестиционного климата в регионе и, как следствие, определенного снижения экономической активности, что сделает МТК менее рентабельным проектом.

Литература

Гринин А. Л. Борьба за новый мировой порядок: технологическое измерение. Статья первая. Технологическое соперничество и гибридные войны // Век глобализации. 2024. № 1(49). С. 72–94.

Ивлиев И. И. Кашмирская проблема и ее значение для региональной безопасности // Век глобализации. 2024. № 4(52). С. 119–128.

Истомин И. А. Военное сдерживание против иностранного вмешательства? Опыт холодной войны // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 1(16). С. 106–129.

Курбачева О. В. Проблема этнических конфликтов в условиях глобальной нестабильности // Век глобализации. 2018. № 4(28). С. 72–94.

Мельникова С. В. Природа гибридных войн на примере Кашмирского вопроса // Восточная аналитика. 2024. № 1(15). С. 253–269.

Чумаков А. Н. Геосферное мышление как условие осознания целостности мира и предотвращения войны // Век глобализации. 2022. № 2(42). С. 3–18.

Dutt S. War and Peace in Kargil Sector. New Delhi : A.P.H. Publishing, 2000.

Farasoo A., Akbari F. Proxy Wars in South Asia // Routledge Handbook of Proxy Wars / ed. by A. Moghadam, V. Rauta, M. Wyss. New York : Routledge, 2025. Pp. 388–399.

Kargil Review Committee. From Surprise to Reckoning. N. p.: Sage Publications, 2000.

Khan S. Nuclear Weapons and the Prolongation of the India-Pakistan Rivalry // The India-Pakistan Conflict: An Enduring Rivalry / ed. by T. V. Paul. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. Pp. 156–177.

Snyder G. The Balance of Power and the Balance of Terror // The Balance of Power / ed. by P. Seabury. San-Francisco : Chandler, 1965. Pp. 184–201.

Watterson Ch. J. Competing Interpretations of the Stability-Instability Paradox: The Case of the Kargil War // The Nonproliferation Review. 2017. No. 1–2(24). Pp. 83–99.